

«Сын за отца не отвечает»

А. П. Смирнов

Советская пропаганда на все лады тиражировала эту фразу И. Сталина, произнесенную в декабре 1935 года на совещании передовых комбайнеров. Лицемерие и цинизм этих сталинских слов в полной мере проявились и в ходе «Ленинградского дела». Репрессии обрушились не только на взрослых. Тяжкие испытания выпали и на долю их детей, которых ждали детдома и колонии или тюрьмы, лагеря, ссылки.

Первый шок они испытали в момент ареста их отцов. (В течение лета-осени 1949 г. прошли аресты основных фигурантов «Ленинградского дела»). Чужие люди бесцеремонно хозяйничали у них дома, переворачивая все вверх дном. Копались и в детских вещах. Например, при аресте бывшего секретаря по агитации и пропаганде Ленинградского обкома ВКП(б) Н. Д. Синцова сотрудники Министерства госбезопасности (МГБ) нашли дневник дочери Тани и стали его читать вслух. Девочка умоляла этого не делать, ведь это – личная тайна¹. Они прекратили, но дневник забрали с собой, рассчитывая, наверное, узнать что-то криминальное о главе семейства.

Привычная и беззаботная жизнь в одночасье оборвалась. Семьи арестованных «ленинградцев» выселили из квартир, им приходилось переезжать, кому-то даже в другие города. Жен «врагов народа» предпочитали не брать на работу, поэтому матерям с большим трудом удавалось куда-либо устроиться. Жилось тяжело, особых сбережений не было, продавали книги и кое-какие вещи.

Малыши еще не осознавали, что происходит и куда исчезают их родители. Ребята постарше знали больше и кое-что понимали. Например, 20-летний Владимир Визнер, который в 1937 году уже побывал с матерью М. А. Вознесенской и отцом Ф. Ф. Визнером в ссылке в Красноярском крае. Владимир Федорович в конце 1980-х годов рассказывал: «Когда Николая Алексеевича (Вознесенского, брата М. А. Вознесен-

Владимир Визнер. 1948 г.

ской. – А. С.) освободили с постов, я слышал, как мама по секрету говорила, что у Маленкова и Берии были к нему личные счета»².

Валерий Филиппович, старший сын управляющего делами Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) Ф. Е. Михеева, вспоминал о своих переживаниях в 16 лет после ареста отца: «Естественно, я остро воспринимал разгром семьи и считал его полностью несправедливым. Однако я был начитанным мальчиком и <...> читал о политических процессах 1934–1938 годов, читал стенографические отчеты некоторых съездов партии и делал соответствующие выводы. К тому времени я уже понимал, что идет беспощадная политическая борьба в партийных и государственных верхах, связывал эти интриги с Маленковым и неизвестными мне другими деятелями. Но, благодаря воспитанию и мощнейшей пропаганде, продолжал верить в гений Сталина, считал, что его обманывают, и он ничего не знает о творящихся безобразиях. Были даже мысли написать ему, но, слава Богу, не успел»³.

Братья Лев и Эрнест, сыновья министра просвещения РСФСР, бывшего ректора Ленинградского

государственного университета А. А. Вознесенского, написали в защиту арестованного отца десятки заявлений, в том числе и членам политбюро (кроме Маленкова и Берии). Однако в ответ слышали одно: «Следствие продолжается...»⁴.

В октябре 1950 года карательная машина взялась за членов семей «ленинградцев». Как вспоминали впоследствии жертвы этой операции, она проходила по единому сценарию: сначала забирали матерей, затем сотрудники МГБ возвращались за детьми. Они тогда не знали, что механизм «репрессирования» жен и детей так называемых «врагов народа» был отработан еще в годы Большого террора. 15 августа 1937 года был принят оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00486, согласно которому дети из таких семей представляли социальную опасность и подлежали изъятию⁵.

Младший сын Ф. Е. Михеева Георгий Филиппович, которому в то время было 10 лет, описывает обстоятельства, при которых его забрали из дома: «Утро 20 октября 1950 года не предвещало ничего плохого: мы с братом Валерием завтракали,

Лев Вознесенский в армии. 1945 г.

собирались в школу, а мама – на работу. Помню, что на завтрак была манная каша. Подробности обыска и ареста мамы не сохранились в моей памяти. Помню только, что вскоре после того, как маму увели, один из сотрудников МГБ сказал: “И ты, мальчик, собирайся, поедешь к маме, она просила”. Я спросил: “Портфель брать?”, на что мне ответили: “Бери, бери...”. “И пионерский галстук тоже?” – “Конечно!” Бабушка Лена (мамина мама) и брат кое-как меня собрали, и я ушел – “к маме...” Вместо мамы меня из квартиры привели в находившееся недалеко, на улице Маяковского, 7-е отделение милиции, откуда отвели в санпропускник (кажется, на Басковом переулке)⁶.

Этот обман укладывался в общий сценарий. Сотрудники МГБ говорили, что «мама просит взять с собой младшего сына (или дочь)», а сами отправляли детей в приемник-распределитель. Оставшиеся на свободе родственники не знали о действительном их местонахождении. Так случилось и в семье бывшего заведующего отделом электростанций Ленинградского обкома ВКП(б), позднее 3-го секретаря Саратовского обкома ВКП(б) П. Т. Талюша. Его дочь Галина Петровна пишет в воспоминаниях: «20 октября 1950 года, когда мы с братом пришли из школы, дома нас ждали незнакомые люди. Нам сказали, что сейчас мы поедем к маме, и отвели нас в детскую комнату отделения милиции. С портфелями в руках мы навсегда ушли из родного дома. Мне было 13 лет, брату – 15 лет»⁷.

В эти же дни арестовали Наталью Ивановну, жену бывшего первого заместителя председателя Леноблисполкома М. А. Таирова. Чуть ли не из рук старших детей Юрия и Галины вырвали и увели их одиннадцатилетнего брата Сергею. Сергей Михайлович Таиров рассказывал: «На моих глазах забрали маму. И снова я ничего не мог понять своим детским умом. Когда увозили меня, сказали, что отправляют к маме. Обманули. В тюремной машине доставили в детприемник, переодели в какую-то черную одежду...»⁸

Жену бывшего секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустина Екатерину Васильевну арестовали в день рождения.

С утра старший сын Владимир сказал младшему брату Андрею, чтобы тот после школы купил торт, приготовил чай. Однако праздник не получился из-за вторжения неожиданных визитеров, предъявивших ордер на обыск и арест. Девятилетний Андрей, желая успокоить маму, сказал ей, что он и брат смогут прожить самостоятельно. Сотрудник МГБ отреагировал сразу: «Нет, Андрей, бери мешок холщовый, кидай вещи, да побольше теплых». Мать и младшего сына сразу разлучили⁹.

Четырнадцатилетнюю дочь секретаря Ленгорисполкома А. А. Бубнова Люду забрали 20 октября вместе с матерью. Анну Степановну посадили в одну машину, дочь – в другую. Младшая сестра, 5-летняя Наташа Бубнова осталась у бабушки. Люду поместили в районное отделение милиции. Всю ночь девочка не спала – сидела под стенкой. На следующий день ее повезли в Пушкин, а по дороге в машину посадили 15-летнюю Таню Синцову. Оказавшись в беде девочки подружились на всю жизнь.

Истины ради стоит сказать, что некоторым детям «ленинградцев» посчастливилось избежать уготованной для всех участи. Дочь бывшего секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова Алла была замужем за сыном А. И. Микояна. Анастасу Ивановичу удалось спасти ее и младшего брата, двенадцатилетнего Валерия Кузнецова, которого прятали около года на даче Микояна в деревне Калчуга по Успенскому шоссе. Восемнадцатилетняя Галина Кузнецова пыталась поступить в институт, но документы у нее не

Дети М. А. Таирова: Галина, Юрий, Сергей в день его ареста. Ленинград. 1 сентября 1949 г.

принимали. После долгих мытарств ее приняли на работу лаборанткой в школу, которую она окончила.

Дочери бывшего члена Политбюро ЦК ВКП(б), председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского восьмилетняя Наташа и девятнадцатилетняя Майя также не попали ни в детдом, ни в лагерь. Старшая сестра даже продолжала учиться в Архитектурном институте. Были и другие случаи. Тринадцатилетние Света, дочь бывшего заместителя председателя Леноблисполкома Э. П. Бояра, и Эмма, дочь председателя Комитета радиовещания Ленинграда Н. В. Саутина, учились в музыкальной школе для одаренных детей, и их по неизвестным причинам не тронули.

ДЕТСКИЙ ПРИЕМНИК-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Относительно детей от пяти до пятнадцати лет пункт 24 Приказа № 00486 от 1937 года предписывал: «В каждом городе, в котором будет проводиться операция, специально оборудуются: а) приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам».

Приемник-распределитель для девочек размещался в бывшей усадьбе графов Зуровых на Малой улице в Пушкине. Помимо Л. Бубновой здесь оказались Людмила, дочь бывшего второго секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Г.Ф. Бадаева, Нина, дочь бывшего заведующего отделом Ленинградского горкома ВКП(б), позднее второго секретаря Рязанского обкома ВКП(б) П. В. Кузьменко, Галя, дочь бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова, Наташа, дочь бывшего председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина, Таня и Наташа Синцовой, Галя Талюш, Люда, дочь бывшего второго секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), позднее первого секретаря Ярославского обкома ВКП(б) И. М. Турко, и другие девочки.

Людмила Алексеевна Бубнова (в замужестве Вербицкая) вспоминала о первых часах в Пушкине: «Дали форму, то есть платья для колонистов, такие жуткие, страшные, серые. Вот тут мы заплакали. Мы не хотели их одевать, и мы часа

Валерий и Гера Михеевы с родителями. Ленинград. 1946 г.

Люда Бубнова с отцом и мамой. Молотов. Сентябрь 1942 г.

два <...> плакали, но потом поняли, ничего, все равно одевать что-то надо. Поэтому надели эти жуткие рубашки, эти платья <...> А из дому нас забрали, в чем были»¹⁰.

Непосильная ноша взвалилась на детские плечи: горе разлуки с родными. В память Натальи Николаевны Синцовой врезалась картина, как на подоконнике неотрывно, вероятно ожидая родителей, стояла пятилетняя дочь бывшего секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) В. А. Колобашкина. Домашних девочек бросили в жестокий мир, к которому, естественно, они не были подготовлены. Давили решетки на окнах, свиданий и передач не было.

Одновременно, по словам Натальи Николаевны, пришлось столкнуться с враждебным отношением других девочек, которые попали в это учреждение с улицы. Обритые наголо потеряшки, маленькие проститутки и воровки не давали проходу чистеньким «ленинградкам», которым к тому же не остригли волосы. Их осыпали несусветной руганью, личные вещи топили в сортире. Изобретались и другие способы навредить «чужакам». Каждый день всех пересчитывали на линейке, поскольку «уличные» периодически убегали¹¹.

Центральный приемник-распределитель для мальчиков располагался в Ленинграде на Песочной набережной в особняке Карла Нел-

лиса, построенном в 1914 году архитектором Н. К. Стендером. Домовладелец занимал пост председателя правления акционерного общества машиностроительных заводов «Г. А. Лесснер». После 1917 года советская власть разместила в доме детский приют, преобразованный в 1938 году в приемник-распределитель, который действовал с перерывом на период войны до 1966 года.

Геру Михеева по ошибке привезли сначала в Пушкинский детприемник, где он переночевал в каком-то помещении на составленных стульях. Те же сотрудники МГБ на следующий день на «эмке» привезли

Андрей и Владимир Капустины с мамой Екатериной Васильевной после освобождения. Солнечное. 1955 г.

Галья и Юрий Талюш с родителями. Ленинград. 9 мая 1945 г.

Дочери Н. А. Вознесенского –
Майя и Наташа с мамой Марией Андреевной. Крым. 1945 г.

его на Песочную набережную. После оформления документов и ванны его переодели в казенный черный костюмчик и привели в группу. Когда Гера увидел знакомого – одноклассника Игоря, сына бывшего секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) П. И. Левина, ему сразу как-то стало легче на душе. Вскоре здесь оказались Саша, сын бывшего заместителя председателя Леноблсполкома А. И. Бурилина, Сергей, сын бывшего секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), позднее заместителя министра морского флота СССР А. Д. Вербицкого, Андрей Капустин, Володя Колобашкин, Сергей Таиров, Борис и Игорь (ему было только пять лет), сыновья бывшего заведующего отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома ВКП(б) А. Я. Тихонова.

Из воспоминаний Георгия Филипповича Михеева мы можем узнать о пребывании мальчиков в этом учреждении: «Были какие-то школьные занятия, иногда кино, хорошая библиотека, кормили неплохо. Но все строим, под контролем воспитателей. Наша группа содержалась отдельно от других (даже выделялась одеждой), контактов с другими ребятами, находившимися в детприемнике, практически не было. Иногда нас в сопровождении воспитателей выводили на прогулку за территорию приемника, по близлежащим улицам. В памяти остались шуршащие осенние листья на асфальте и трамваи, проходившие мимо.

И что до сих пор мне не понятно: стоило сделать несколько шагов, вспрыгнуть на подножку (тогда двери еще не закрывались автоматически) проходившего мимо трамвая (а шли они в том месте не очень быстро) – и можно было сбегать к родственникам. Но никто из нас (даже старшие ребята, которые были далеко не маменькиными сынками) не попытался сделать это. Дело в том, что, видимо, все мы находились в шоковом состоянии, как будто под гипнозом, и, внешне совершенно нормальные, внутренне не могли выйти из оцепенения, автоматически выполняя все, что нам предписывалось».

Гера страдал бронхиальной астмой, и его поместили в изолятор. Сердобольная докторша, узнав адрес родных, сообщила им, где он находится. Эта новость потрясла их, ведь они были уверены, что мальчик находится вместе с мамой. «Мои бабушка и тетя Мария (двадцатитрехлетняя младшая сестра отца) поехали на Песочную набережную, чтобы попытаться увидеться со мной. Несмотря на их просьбы и мольбы, им категорически заявили, что меня здесь нет, и в грубой форме пытались выяснить, откуда у них такая информация обо мне. На территорию приемника их не пустили, и передачу для меня (теплые носки и одежду, ведь когда я уходил из дома, еще не было холодов и я был одет довольно легко) не взяли»¹².

Чуть больше «повезло» Андрею Капустину. Для него проблемком

надежды стала встреча со старшим братом Владимиром, который через несколько дней разыскал Андрея и смог передать ему булку¹³.

С конца ноября ребят из группы начали развозить по разным детским домам. Поздно вечером 7 декабря Геру Михеева и еще трех мальчиков «в крытом кузове грузовика повезли на Московский вокзал. Запомнилось, что, пока ехали, вчетвером громко пели «Артиллеристы, Сталин дал приказ!..»¹⁴.

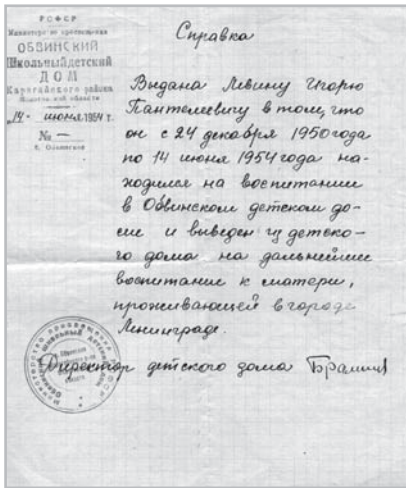
Еще один лишенный детства ребенок – Андрей, сын первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова. После ареста мужа Олимпиада Михайловна с сыном проживала во Владимире у родных. Через две недели после ареста матери взяли и одиннадцатилетнего Андрея. Сотрудник МГБ забрал его прямо со школьного урока. Мальчика привезли в Москву, устроили в детприемник у Даниловского рынка. Однажды приехавший следователь устроил ему форменный допрос: чем занимались и о чем говорили родители. Андрюша его не понимал. Полгода он провел в распределителе, где на окнах – решетки, а за нечаянно испорченный портрет Сталина – ночь в карцере¹⁵. В конце весны 1951 г. Андрея Попкова перевезли в детский дом под Ярославлем.

ДЕТСКИЕ ДОМА И КОЛОНИИ

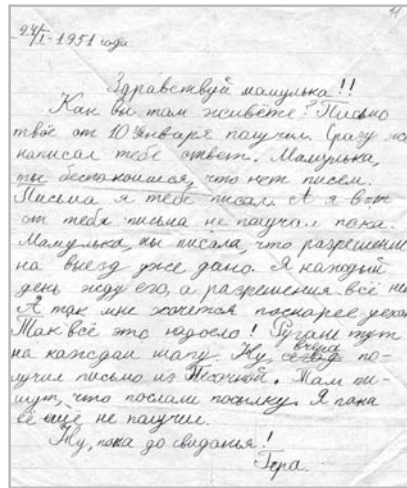
Волей начальства младшие дети репрессированных ленинградских руководителей были разбросаны по детским домам всей страны. В Ленинграде остались единицы, как, например, девятилетняя дочь А. А. Вознесенского Ирина, которую устроили в детдом № 32. В Горький попали Люда Турко, Люда Бадаева, Наташа Лазутина, в детдома Вологодской области – братья Тихоновы.

Четыре мальчика – Саша Бурилин, Андрей Капустин, Игорь Левин, Георгий Михеев – оказались в Обвинском детском доме Карагайского района Молотовской (Пермской) области.

Андрей Яковлевич Капустин до сих пор помнит фразу одного из сопровождавших, который доставил ребят в детдом. Учитель младших классов, бывший фронтовик, ходивший еще в гимнастерке, решил поддержать мальчика и сказал ему: «Ан-

Справка И. П. Левина о пребывании в Обвинском детском доме. 1954 г.

Письмо Геры Михеева маме из детского дома. Обвинск. 1951 г.

дрей, не вешай нос, все перемелется. Это все неправда». Привыкшие к теплу родного дома, дружеским отношениям в семье, подростки трудно сходились с незнакомыми детьми и держались вместе.

Георгий Филиппович так описывал будни в Обвинске: «Жизнь в детском доме вспоминаю фрагментарно. Тосковал по дому, родным. Учился в школе, в четвертом классе, упущенное восстановил быстро. По вечерам на огне печки поджаривали кусочки хлеба. Иногда водили в клуб, запомнился даже один фильм – «Высокая награда», о чекистах и шпионах... Отношения с другими детьми были обычные. Но помню, что как-то кто-то из ребят сказал, что мы – дети врагов народа. Было очень обидно, и мы подошли к Борису Осиповичу (воспитателю. – А. С.)

сказать, что это не так, что наши родители – не враги и не предатели Родины. Как мог, он успокоил нас»¹⁶. В январе 1951 года наладилась переписка Геры с мамой, которая вместе со старшим сыном уже находилась в ссылке в Казахстане. Анна Алексеевна настойчиво добивалась от разных инстанций разрешения забрать младшего сына к себе.хлопоты увенчались успехом, и уже в конце марта за Герой Михеевым приехал вооруженный сопровождающий, который, как арестанта, привез его на поезде в Кокчетав и сдал с рук на руки под расписку матери.

Трое оставшихся товарищей, конечно, завидовали приятелю, который смог уехать к родным. Их же матери находились в лагерях, и они ни на что не могли рассчитывать Андрей Капустин из детдома

даже написал отчаянные послания Сталину, Швернику, Молотову. Он верил, что «товарищ Сталин» непременно поможет – он же никогда не ошибается. Однако на все письма мальчик получал холодный отказ¹⁷. Тем не менее в пионеры его приняли.

В их памяти сохранилось и то хорошее, что было в детдоме: лыжные прогулки и летний пионерский лагерь. Ленинградские мальчики часто самостоятельно уходили на прогулки или на картофельные поля и садовые участки местных жителей. Правда, кормили неплохо. Жизнь находившихся на государственном обеспечении детдомовцев разительно отличалась от беспросветной нищеты жителей Обвинска. По словам Игоря Пантелеймоновича Левина, он не раз угощал белым хлебом с маслом сельских ребятишек, которые никогда его не пробовали. Однако жизнь в детдоме научила «ленинградцев» и курить, и выпивать алкоголь, который покупали на вырученные от сбора вторсырья деньги¹⁸. В июне 1954 года директор детдома привезла троих подростков в Ленинград, где на вокзале они попали в объятия освобожденных матерей.

В детском доме им. В. П. Ногина в Иваново сплоченно держались Галя Талюш, Наташа Синцова, Галя Куприянова, Нина Кузьменко. Наталья Николаевна Синцовой не забыть, как в первый день местные дети закидали «чужаков» галошами, поранив до крови. «Старожилы» придирались: зачем приехали – что, в Ленинграде нет детских домов? И позже – лупили, приставали мальчишки. В детдоме их называли сиротами, не разрешая рассказывать о родителях. Фельдшер детдома даже хотела удочерить Наташу Синцову. Девочка доверилась доброй женщине, рассказав об арестованных отце и маме. «Ленинградки» ходили в городскую школу, выделяясь не только ростом на фоне низкорослых местных детей, но и уровнем развития. Учителя к ним относились хорошо. В школе была хорошая библиотека, поэтому Наташа увлеклась чтением. Зародившаяся любовь к книге сохранилась на всю жизнь. Девочек отпускали из детдома в город. Несколько раз одноклассница приглашала Наташу домой, где она еще острее ощущала ценность домашнего тепла и горечь разлуки с родными¹⁹.

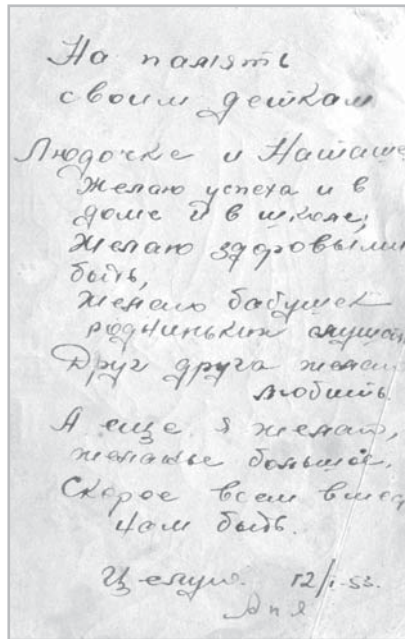
Людмила Бубнова и Татьяна Синцова в колонии. Львов. Начало 1950-х гг.

Галина Петровна Талюш так описывает жизнь ленинградских девочек в Иваново: «Было холодно и голодно. По утрам умывались под струей ледяной воды, которая текла из трубы в обледенелый желоб. Баню устраивали редко. Поэтому все дети были вшивыми. Первый учебный год я почти весь проболела повторяющимися воспалениями легких. Лежала в изоляторе и думала, если скоро не придет лето с теплом и солнцем, то я умру. Кормили кашами, а на обед давали еще суп из рыбных консервов “Частик в томате”. К празднику 9 мая шефы детского дома присылали мясо и один раз в год нам давали мясную котлетку. Кроме школьных занятий, детей учили труду: девочек – шить одежду, мальчишек – тачать обувь...

Нам разрешили после окончания седьмого класса продолжить обучение в школе. Мы очень тосковали по дому, родным, Ленинграду. Держались вчетвером и тем самым подбадривали друг друга. Директор детского дома, когда сердилась, называла нас “дети врагов народа”. Воспитатели относились к нам хорошо. Они жалели и утешали нас: “Это ошибка. Вот разберутся там и выпустят родителей. Так уж не раз бывало”.

За успешную учебу меня и Галю Куприянову наградили двухдневной поездкой в Москву на зимние каникулы 1952 года. Побывали на Красной площади... Долго смотрели на окна Кремлевского дворца, надеясь увидеть Сталина, стоящего с трубкой в руке. Мы думали, что Сталин, конечно, не знает об аресте наших родителей, иначе бы он разобрался в их невиновности. Мама имела право написать мне два письма в год. Она интересовалась, как я учусь, что читаю, с кем дружу. Давала мне советы и наставления»²⁰. В июне 1953 года Гале Талюш и другим девочкам было разрешено вернуться в Ленинград. Наташа Синцова еще раньше уехала к сосланной матери.

Серезу Таирова привезли в детдом в поселок Ацвеж Кировской области. Он очень тосковал по родным и смог написать домой, правда не указав точного местонахождения. Случилось чудо – письмо дошло до Ленинграда. Девятнадцатилетний Юрий два дня обивал пороги в Министерстве просвещения в Москве, но не смог получить раз-

Письмо из лагеря Анны Степановны Бубновой дочерям Люде и Наташе. Тайшет. Январь 1953 г.

решения на вывоз младшего брата из детдома. Тогда он сам разыскал детдом, где Сережа числился как «не имеющий родных». Директор даже усомнился, действительно ли перед ним старший брат их воспитанника. Однако Сережа с порога бросился ему на шею, и все сомнения отпали. С молчаливого согласия директора Юрий увез брата в Ленинград. Ему пришлось одновременно учиться в институте и зарабатывать деньги. В начале 1951 года арестовали Юрия и сестру, шестнадцатилетнюю Галину. Сережа остался на попечении бабушки, которая, опасаясь за судьбу внука, привезла его к матери в ссылку²¹.

В исправительно-трудовую колонию в Днепропетровской области забросила судьба Юру Талюша. Из колонии он написал письмо папину брату Михаилу, что здесь его учат воровать и хулиганить. М. Т. Талюш не побоялся пойти в «Большой дом». Показав Юрино письмо, он спросил: «За что наказывают детей? Ведь они не отвечают за родителей». Ему разрешили забрать Юру из колонии в Ленинград. Однако вскоре Михаила Тимофеевича задержали и поместили в тюремную психиатрическую больницу. Юру взяла к себе мамина сестра, в ее семье он жил и воспитывался до освобождения матери²².

В трудовую воспитательную колонию Львова отправили Люду Бубнову и Таню Синцову. Здание было окружено высокими серыми

стенами с колючей проволокой. Однажды приехавшие двое неизвестных мужчин в течение почти трех часов настойчиво уговаривали девочек отречься от родителей. Они категорически отказались. На требование сменить фамилию Таня поклялась, что все равно будет Синцовой. Татьяна Николаевна не сменила фамилию и позднее, когда вышла замуж²³.

Людмила Алексеевна вспоминала: «По сути это была настоящая тюрьма для малолетних преступников, и контингент там был соответствующий – воры, убийцы, проститутки... Именно тогда я что-то начала понимать. Раньше думала, как все: что все это – ошибка, разберутся, Сталин поймет. Но в колонии встретила с девочками, которые там были с 1937 года. Выходит, за тринадцать лет не разобрались...»²⁴. Девочки в большинстве своем были малообразованные, кроме мамы не знали другой лексики. Люда по вечерам рассказывала им содержание прочитанных книг русских классиков. Может быть, поэтому ее не трогали и относились уважительно.

Начальник колонии был страшный пьяница, за какую-то провинность присланный руководить учреждением. Однако судьба улыбнулась Люде Бубновой и Тане Синцовой в лице заместителя начальника колонии Виктории Николаевны Карповой. В это время

Антонина Михайловна Синцова, отбывавшая ссылку в Акмолинской области Казахстана, хлопотала, чтобы ей отдали дочерей. В. Н. Карпова подсказала ей, в какие инстанции и на чье имя необходимо обратиться. В 1951 году, через семь месяцев пребывания в колонии Тане разрешили уехать к матери. Произошло это при курьезных обстоятельствах. Сопровождающий «опер» всю дорогу пил и в Москве при посадке пропал. Таня через объявление по вокзальному радио нашла его, и они поехали дальше. Приехав на место, он занял у А. М. Синцовой 25 рублей и исчез, ничего толком не сказав²⁵.

Родственники Людмилы Бубновой также всеми силами старались вернуть ее домой. Виктория Николаевна и здесь активно помогала. В конце 1951 года девочке разрешили приехать в Ленинград. Однако в первую же ночь на глазах Люды арестовали тетю Нину. Благодаря настойчивости провожатого из колонии девочку в очередной раз не забрали, а вернули во Львов. Отец при аресте завещал дочери учиться. Поскольку в Львовской колонии нельзя было получить образование, Виктория Николаевна добилась разрешения своей подопечной посещать городскую школу²⁶. После смерти Сталина В. Н. Карпова помогла Люде поступить во Львовский университет, откуда в 1954 году после посмертной реабилитации отца она перевелась на филологический факультет Ленинградского государственного университета.

АРЕСТ

Приказ № 00486 от 1937 года «позаботился» и о детях старшего возраста: «9) На каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка старше 15-летнего возраста, заводится следственное дело, в которое, помимо установленных документов, помещаются справки <...> и краткое обвинительное заключение. 11) Особое совещание рассматривает дела на жен осужденных изменников родины и тех их детей старше 15-летнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий. 13) Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагерь».

Таковыми «социально опасными детьми» по «Ленинградскому делу» в основном были старшекласники и студенты вузов. 1 ноября 1950 года, через 10 дней после матери, арестовали шестнадцатилетнего Валерия Михеева. Он вернулся из школы и дома беседовал с одноклассником. Вдруг раздался звонок в дверь. Через порог бесцеремонно переступили трое незнакомых мужчин, за ними – дворничиха. В конце 1980-х годов Валерий Филиппович рассказывал: «Помню, я отступил на шаг после внезапно последовавшего приказа: “Руки вверх!”. Поднял руки, после этого сотрудник МГБ принялся меня обыскивать. Двое других в это время прошли в комнаты, не преминув заглянуть в кухню, где взяли со стола нож, которым бабушка разделявала рыбу. Финский нож был внесен в число вещей, изъятых у меня при аресте. Ничего более подходящего для компрометации сотрудники МГБ, видимо, найти не смогли»²⁷. На черной «эмке» Валерия отвезли в «Большой дом» на Литейный.

1 ноября взяли восемнадцатилетнего Владимира Капустина, когда он вечером возвращался с друзьями из Политехнического института. Владимир Яковлевич Капустин рассказывал в конце 1980-х годов, что подошедший майор добродушно сказал: «“Слушай, я за тобою весь день гоняюсь – раз пять уже на квартире был. Решил – прямо здесь. Не возражаешь?” И хоть бы какую-нибудь бумажку, санкционирующую арест, предъ-

явил – ничего»²⁸. Его привезли на квартиру, перерыли то немного, что там оставалось. Дальше путь – на Литейный, где Володя провел неделю в одиночной камере.

Вечером того же дня забрали сыновей бывшего председателя Новгородского облисполкома М. И. Сафонова Владимира и Льва. Двадцатипятилетний Владимир Сафонов после службы в годы войны на аэродроме в Заполярье окончил Высшее военно-морское училище им. Фрунзе, но из-за ареста отца не получил никакого назначения. Восемнадцатилетний Лев Сафонов учился в Ленинградском институте механизации сельского хозяйства. Их квартиру опечатали. Сотрудники МГБ наврали им, что теперь скоро все выяснится и они встретятся с родителями²⁹.

Студентку первого курса Электротехнического института, дочь бывшего председателя Ленинградского облисполкома И. С. Харитоновой Эллу арестовали 2 ноября на лекции. «Вдруг в аудиторию вошел декан, назвал мою фамилию и попросил выйти. “На минуточку” – так он сказал. В деканате меня ожидали двое в штатском. Один из них вежливо предъявил ордер на арест: “Вы сейчас поедете с нами домой. Возьмите необходимые вещи. Обязательно теплые – пальто, обувь, шапку...” Эти слова, произнесенные вежливо-безразличным тоном, запомнились, как запомнилось все, связанное с этим отъездом “в никуда”», рассказывала Элла Ильинична³⁰.

Аресты затронули и старших детей Г. Н. Куприянова. Виктор успел защитить диплом инженера-механика в Военно-механическом институте. Его арестовали на пять месяцев позже, чем отца. Розу, учащуюся третьего курса Ленинградского планово-экономического института, забрали сразу после занятий на следующий день после ареста брата³¹.

Аресты проводились и в Москве. 20 октября 1950 года сотрудники МГБ пришли на квартиру Вознесенских. Когда уводили двадцатилетнего Льва, студента четвертого курса экономического факультета МГУ, младший брат Эрнест обратился к майору, которого запомнил с ареста отца: «Почему всех берут, а меня оставляют?» Тот

Валерий Михеев. 1940-е гг.

ответил: «Ты еще маленький, подрасти, успеешь». Его, первокурсника Финансового института, взяли уже на следующую ночь³².

Даже военные заслуги не могли спасти от ареста, как это было, например, с сыновьями бывшего директора Института истории С. И. Аввакумова. Тридцатилетний слушатель Высшего военно-педагогического института Владимир Аввакумов в годы Великой Отечественной войны участвовал в обороне Москвы, затем командовал автоколонной, доставлявшей грузы по ленд-лизу из Ирана в СССР. Двадцатилетний студент индустриального техникума Юрий Аввакумов воевал на Курской дуге, как разведчик-минер дошел до Берлина, был трижды ранен³³.

Из воспоминаний Валерия Филипповича Михеева мы можем узнать, что ожидало молодых людей, доставленных во внутреннюю тюрьму Управления МГБ СССР по Ленинградской области: «...под конвоем меня провели через подъезд в мрачное помещение. Тут началась арестантская жизнь, которая состояла из одних команд: “Руки за спину... Вперед... Не оборачиваться... Налево... Вперед... Разденьтесь... Ноги на ширину плеч, нагнитесь... Оденьтесь... Вперед...” и так далее... В конце концов оказался в одиночной камере <...> но помню эти события смутно. Сейчас, как взрослый человек и психоневролог по образованию, я понимаю, что находился в психологическом шоке, поэтому сейчас, вспоминая все эти события,

могу сказать следующее. В голове образовалась какая-то легкость, видимо, потому, что от тебя уже ничего не зависит, все воспринималось как нечто нереальное, как бы смотришь на себя со стороны.

Как-то часов в 10–11 вечера мне скомандовали собираться и вывели во внутренний двор, где посадили уже не в “эмку”, а в “воронки”. Внутри, вдоль бортов, располагались тесные кабинки, там еле-еле можно было сесть, кабинки закрывались дверцей, так, что никого нельзя было видеть, только по звукам можно было понять, что еще кого-то везут. Разговаривать нельзя, сразу окрик охранника, который сидел посредине кузова. Ехали недолго, остановились, каждого по отдельности стали выводить из машины. Оказались мы на какой-то дальней платформе, видимо товарной, Московского вокзала. Я его сразу узнал, поскольку освещенное здание было видно издали, оттуда доносился знакомый вокзальный шум. Так же по одному нас передали конвоем вагона для заключенных. Утром привезли в Москву, снова поодиночке вывели, посадили в знакомые уже фанерные “коробочки” в “воронке” и повезли по городу. Ничего не было видно, но до нас долетал шум предпраздничного города».

Аналогичным образом переправили в Москву и других старших детей бывших ленинградских руководителей. Им предстояли долгие месяцы испытаний в одиночных камерах печально знаменитой Лефортовской тюрьмы.

ТЮРЬМА

Тюремный распорядок, по воспоминаниям В. Ф. Михеева, выглядел так: «...подъем в шесть утра, отбой – в 10 вечера, Утром дают полбуханки хлеба на весь день, несколько кусочков сахара, чай в алюминиевой кружке, в обед – рыбный или гороховый супчик, каша гречневая или пшенная, кисель. Вечером – опять каша и чай, в общем, жить можно, с голоду не умрешь. Иногда днем длящаяся ровно 30 минут прогулка во дворике, окруженном со всех сторон каменными стенами. По верху стены расхаживает автоматчик, гуляешь один.

Режим в камере соблюдается строго, через каждые 4–5 минут днем и ночью в глазок на двери заглядывает охранник. Вначале особенно неприятно, что с шести утра до десяти вечера нельзя поспать или просто прилечь на постель, а так и тянет после обеда, но даже если сидя закроешь глаза, сразу стук в дверь: “Не спать!” Ночью тоже часто будят: “Руки не вижу, положить на одеяло... Повернитесь лицом вверх”. Если не выполнил приказа или замешкался, сразу начинают орать и грозить, что отправят в карцер. Свет в камере горит всю ночь. Раз в неделю выдают две-три потрепанные книги. Рассказы Горького перечитывал раз 50, после чего осталось стойкое отвращение к писателю.

Очень тягостно было, что днем совершенно нечего было делать, только сидеть или ходить из угла в угол по камере. Думать, конечно, можно было, но это приносило мало радости. По мере своих умственных возможностей я пытался осмыслить ситуацию, раскладывал все события по полочкам, но это не рассеивало непонимания общего хода событий и дальнейшей судьбы нашей семьи. Особенно ярко я себе представлял и детально обдумывал свою речь в суде о полной невиновности отца и себя: что такую речь мне предоставят возможность произнести, я ни минуты не сомневался: должен же был быть суд, раз меня посадили в тюрьму. На это пошла масса мыслительной и эмоциональной энергии³⁴.

Остро переживал психологическое давление одиночки и Эрнест Вознесенский: «Я никогда не думал прежде, что мозг так нуждается в обновлении мыслей. На воле иногда приходило в голову, что не бывает

Тюремная фотография В. Ф. Михеева. 1 ноября 1950 г.

минуты, чтобы не думал о чем-то. Здесь же в первые дни я вспомнил всю свою короткую жизнь, все многочисленные анекдоты, которые знал, пропел все известные песни (разумеется, про себя), проделал все это несколько раз и вдруг почувствовал страшную пустоту в голове, которая, как железный обруч, стала давить на психику. Прошла неделя, другая, месяц, начался второй – я понял, что если не найду никакого занятия, то рискую сойти с ума. Тем более что соображение это неоднократно подтверждалось: время от времени в тюрьме раздавались душераздирающие вопли, которые, правда, скоро обрывались»³⁵.

Те же ощущения испытывал Лев Сафонов. На Ленинградском вокзале в Москве братьев разлучили. Они не успели договориться, как и через кого будут искать друг друга. «Душа разрывалась. Постоянное, щемящее чувство потери родных, свободы и любимого города <...> Одеало черное с крупной белой надписью МГБ СССР. Мучительно хотелось курить. Кормили плохо. В первые дни я ничего не мог есть. “Ерунда, будешь жрать”, – сказал надзиратель, смачно выразившись. И действительно, на примерно пятнадцатый день я готов был съесть любую “баладу”, лишь бы дали»³⁶.

Лев Вознесенский, после того, как все законные сроки предъявления пусть и незаконного обвинения давно прошли, отваялся на голодовку: «...пять дней, без всякого изъятия я выливал пищу (это слово стоило бы взять в кавычки) в так называемую парашу и, почувствовав первые результаты голодовки, перешел... к подготовке самоубийства как форме протеста. На узкой части стены, не просматривавшейся через волчок в двери, я написал мылом – ничего другого, более подходящего, в камере не имелось – протест против незаконности моего содержания в тюрьме. Сейчас помню лишь, что там были, как я думал тогда, в пику тюремщикам слова “Ухожу из жизни коммунистом”, которым, кстати, в то время я уже являлся – и не только формально»³⁷. Однако тюремное начальство вынудило молодого человека отказаться от голодовки под угрозой насильственного введения пищи.

Тягостные дни ожидания сменились вызовами на допросы, но они

Элла Харитоновна. 1949 г.

оказались еще тяжелее. На молодые неокрепшие души обрушились давление следователей и шквал вопросов: «Кто бывал у вас дома? О чем говорили? Чем занимались? Почему ты не донес на отца/мать/дядю за антисоветскую деятельность?» К их чести они старались защищать своих родных и не поддавались на провокации.

Братья Эрнест и Лев Вознесенские и на допросах с непоколебимой решительностью опровергали все обвинения против отца. Они доказывали следователям, что их родители – настоящие коммунисты и верно служат партии. В ответ на вопрос следователя о преступной деятельности отца Эрнест заявил: «Каждому советскому человеку могу пожелать быть таким же настоящим большевиком, как мой отец!..». Лев именно на допросе узнал о гибели своего отца. Следователь в ярости закричал на него: “Защищаешь отца? Ну и крупный же ты враг советской власти!» Когда юноша улыбнулся на эти слова, тот разъярился: “Смеешься! Твой отец тоже больше года смеялся нам в лицо... Теперь отсмеялся...”³⁸ Такое же страшное известие сообщил следователь и Льву Сафонову: «В конце ноября 1950 года второй раз (снова ночью) я был доставлен на Лубянку, где мне было объявлено, что мой отец “паразит”, “враг народа” и он за свои “вражеские действия” приговорен к высшей мере наказа-

ния – расстрелу. И как в страшном сне зловеще прозвучало: “Приговор приведен в исполнение”»³⁹.

Дождался привода к следователю и Валерий Михеев: «За столом сидел довольно пожилой, лысоватый человек с погонами полковника (потом я узнал, что это был полковник Леонов, начальник Следственной части МГБ, который в основном вел дела моих родителей). Сначала он спокойно спросил фамилию, имя, адрес, а затем вдруг начал орать, постоянно пересыпая свой крик отборным матом, чтобы я признался в преступной связи с отцом, поскольку он оказался шпионом и диверсантом. Я ответил, что действительно проживал в семье вместе с отцом, но возразил (да, да, возразил): мой отец всегда был честным партийным работником, он никоим образом не мог быть шпионом и тем более диверсантом.

Леонов демонстративно разорвал мой комсомольский билет, пропуск в Публичную библиотеку, сказав, что это мне уже никогда не понадобится. Он начал пугать, что если я не буду честно рассказывать о вредительской деятельности отца, то он меня оставит в тюрьме надолго. Потом были вопросы о том, как отец относился к Сталину, Жданову, Кузнецову, какие политические разговоры велись дома, кто приходил к нам в гости. Я отнекивался, говорил, что не знаю, что занимался только своими школьными делами. Допрос длился часа 2–3, с паузами, во время которых он был занят бумагами или разговаривал по телефону»⁴⁰.

Так же не сломались и стойко держались Галина и Юрий Таировы. Позже Галина Михайловна рассказывала: «Не забыть те страшные дни, когда на ночных допросах в “Большом доме” на Литейном под лучом сильной лампы, направленной прямо в лицо, меня, девчонку, принуждали подписать документ о том, будто отец занимался “антисоветской деятельностью”. Подкупали: “Подпишешь, освободим”. Мой ответ был неизменным: “Ничего не знаю. Ничего не подпишу”»⁴¹.

Были и другие страшные минуты. «Испытал ли я чувство страха, пройдя через арест, камеру-одиночку, допросы? Скажу со всей откровенностью, один раз настоящему испугался. Как потом стало ясно, меня как раз вызвали

для того, чтобы огласить приговор... Вели через тюремное подземелье, которое, как казалось мне, никогда не кончится. И я со страхом думал – еще шаг и прямо в спину мне раздастся выстрел, после которого больше никогда не увижу ни света, ни солнца», – вспоминал Валерий Филиппович Михеев⁴².

Для Льва Сафонова тяжелейшим моментом, помимо известия о расстреле отца, стало объявление как «сыну изменника Родины» приговора о заключении в исправительно-трудовой лагерь особого режима: «Объясните, за что все это? Где мама, где брат?» – «Да что с ним разговаривать!», – закричал один из «особистов» и скомандовал: «Лицом к стене, руки за спину. Увести!» Снова «одиночка». Я чувствовал, что сломан психически, подавлен тяжелой депрессией⁴³.

Лев Вознесенский обдумывал свою речь на предстоящем суде: «Ну, тут уж я скажу все, что думаю об этой сволочи!» – под таким «лозунгом» шла подготовка моего обвинительного выступления. С некоторым даже нетерпением ждал я судебного заседания». Однако суда не было. В одном из помещений Лефортовской тюрьмы ему зачитали приговор. «На секунду я в глубине души слегка оторопел: а как же моя пламенная речь против всяческого беззакония и его носителей? Что это за особое совещание, расправляющееся с людьми заочно? «Позвольте, а по какому закону это делается?» – «У нас все делается по закону!»⁴⁴

Особым совещанием при МГБ СССР к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагере были приговорены Юрий Басов, Всеволод Вербицкий, Владимир Визнер, Лев и Эрнест Вознесенские, Владимир Капустин, Владимир и Лев Сафоновы, Ирина и Клара Соловьевы, к пяти годам – Элла Харитоновна. На восемь лет ссылки были осуждены Арнольд Турко и Валерий Михеев, на пять лет – Владимир Аввакумов, Надежда Бадаева, Людмила Бумагина, Евгений Визнер, Михаил Евсеев, Виктор и Роза Куприяновы, Валерий Мироненко, Анатолий Решкин, Юрий и Галина Таиловы. Этот список юношей и девушек, репрессированных по «Ленинградскому делу», неполон. Десятки других детей ленинградских

Владимир и Юрий Аввакумовы с родителями. Ленинград, 1945 г.

руководителей также отправились в лагерь и ссылки.

ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ЭТАП

Наверное, в тюрьме в какой-то степени молодым людям было легче: теплилась надежда на справедливый исход судебного разбирательства и закономерное оправдание. После вынесения приговора всякие надежды исчезали. Кроме того, в одиночных камерах они не сталкивались с уголовниками. Отправка по этапу на место отбывания срока означала более жестокие испытания.

В конце ноября 1950 года Льва Сафонова под конвоем привезли на Курский вокзал для этапирования в пересыльную тюрьму г. Рузаевки Мордовской АССР. Здесь он встретился с Владимиром Визнером и Юрием Басовым, сыном заместителя Председателя Совета министров РСФСР М. В. Басова. В купе вагона с решетками на окне и конвоем в коридоре Лев оказался вдвоем с бывшим одноклассником Всеволодом Вербицким.

После отправки поезда выяснилось, что в том же вагоне были их матери. Лев Михайлович вспоминал: «Мама увидела меня через дверную решетку, когда конвоиры сопровождали ее по коридору вагона в туалет. Лицо изможденное, волосы седые. Успела шепнуть мне: «Сыночек, не думай, что мы с папой в чем-то виноваты. Надеюсь, справедливость будет восстановлена». Я ответил, что у нас с братом таких

мыслей никогда и не возникало, мы знаем, что наши родители достойные люди. Просил беречь себя, пытался как-то обнадежить. Конвоиры ворчали, но все же позволили нам обменяться несколькими фразами. Всегда с благодарностью вспоминаю об этой их услуге.

Полупустым вагон был недолго. На какой-то станции в вагон с шумом загрузили заключенных – уже бывалых лагерников. В наше купе набилось более 20 человек. Хотелось есть... После долгих ожиданий нам дали по куску соленой вяленой рыбы... Хотелось пить... Наконец дали воды. Захотелось в туалет... Опять проблема... Опять ожидания... Севу Вербицкого высадили на станции Потьма – там был лагерь для малолетних, а Севе в то время было еще только 17 лет⁴⁵.

От невыносимого голода страдал на этапе Эрнест Вознесенский: «Мне выдали сухой паек – пару буханок хлеба и одну рыбину, правда, на какой срок, я не знал и, как только тронулся поезд, почти сразу все съел, а кость от рыбы закинул под нижние нары. Уже на следующий день я пожалел об этом: хотелось есть, причем так, что, когда наступила ночь, я даже не мог уснуть. Но и это были «цветочки»; утром на вторые сутки пути начался уже настоящий голод: я отыскал под нарами в пыли и грязи легкомысленно брошенную кость и, едва не визжа от радости, раздробил ее зубами и высосал. Всю дорогу у меня не

возникло никакой другой мысли, кроме как о хлебе, именно о хлебе, а не о курицах, индюшках, картошке и т. п. Его величество Хлеб настолько прочно засел в мозгу, что к концу третьих суток я вызвал начальника охраны и попросил его из тех денег, что должны были оставаться среди моих вещей, купить хлеба. Он вернулся через некоторое время и дал мне полбуханки хлеба, которую я сожрал – вот честное слово, сожрал! – как мне тогда показалось, секунды за три. Не помню, стоял ли в то время вагон на какой-нибудь станции или был в пути; не знаю, купил ли он этот хлеб или нет. Думаю, что просто пожалел меня и дал часть того, что имел сам или охрана»⁴⁶.

Из пересыльной тюрьмы в Рузавке в конце декабря 1950 года Лев Сафонов по этапу был отправлен в Казахстан. «Зима, минус 25 °С. Голодные, легко одетые заключенные были погружены по 30–40 человек в неотапливаемые теплушки для перевозки скота. Слева и справа в вагоне двухъярусные нары. Напротив сдвигающихся дверей – проход и в полу у стены отверстие с воронкой (это туалет). Стены покрыты инеем. Беспокоили многочисленные «поверки», то есть пересчет заключенных. Конвоиры деревянными молотками простучивали стены, пол и крышу вагона, чтобы предупредить «побег» через какие-либо отверстия или щели. Конвоируемый эшелон, подсвеченный гирляндами электрических лампочек, для удобства наблюдения, более десяти суток медленно тащился к месту назначения»⁴⁷.

Воистину повезло Элле Харитоновой, которую на протяжении всего этапирования поддерживала старшая спутница Ольга Николаевна, супруга бывшего первого секретаря Ленинградской комсомольской организации, позднее второго секретаря ЦК ВЛКСМ В. Н. Иванова. В Вологодской пересыльной тюрьме, размещавшейся в полуразрушенной старинной крепости, их посадили в камеру с матерыми уголовницами. Те не стеснялись в выражениях. Нарочито громкая, изощренная ругань должна была запугать «политических». О. Н. Иванова не только успокоила потрясенную Эллу, но смогла положить конец травле и попыткам отнять их пожитки.

Элла Ильинична рассказывала о дальнейшем пути из Вологды: «... нас погрузили в вагоны, накормили несъедобной рыбной похлебкой, выдали по кружке воды на человека. Бесконечно долго куда-то везли в полной темноте. Высадили на небольшой станции. Ни зги не видно, холодно. У вагонов – солдаты-охранники со служебными собаками. Стоял невероятный шум. Солдаты кричали, ругались. Лестниц, чтобы спуститься на землю, не было. Послышалась команда: «Эй, там, в вагонах, прыгайте, да поскорей». Зажмурившись, прыгаю, словно в бездну, и оказываюсь по пояс в снегу. Рядом утонула в сугробе Ольга Николаевна. Выбрались. Зашагали по шпалам, спотыкаясь, под лай овчарок и пересыпанные матом окрики конвоиров. То и дело: «Ложись! Вставай! Вологодский конвой шутить не любит!» Не помню, сколько времени длилось это кошмарное ночное путешествие»⁴⁸.

Несколько месяцев страшного пути к месту ссылки пережил и Валерий Михеев. На платформе при погрузке в вагон он встретился с мамой, но их рассадили в разные купе. «Купе за решеткой было набито под завязку, люди сидели и на багажной полке, сидели даже на полу, набито было, как селедки в бочке. Даже пошевелиться можно было с трудом, ведь все люди были уже в зимней одежде, было до ужаса душно и жарко... Конвойные, молодые

ребята с комсомольскими значками на груди, раздали еду – каждому по полбуханки хлеба и две селедки. Когда эту пайку съели, стало еще мучительнее, поскольку попить воды не полагалось. Выйти в туалет тоже не допросишься, некоторые просто писали в штаны. Так ехали мы ночь, день, может и несколько суток, все это помню плохо, как в тумане, но и забыть никогда не смогу, особенно ухмыляющихся ребят из «вологодского конвоя». Удивляюсь до сих пор, как такое можно было выдержать. Все-таки человек очень стойкое существо».

В пересыльной тюрьме города Ульяновска заключенных развели по камерам. Валерий Филиппович пишет в воспоминаниях: «Я попал в большую камеру с тусклой лампочкой на потолке, до предела набитую полуголыми людьми, было жарко и очень душно, на деревянных двухъярусных нарах сидели и лежали люди, стоял гам, в углу стояла большая деревянная параша. Встретили нас заинтересованно, все-таки развлечение, и можно узнать новости. Нам велели устраиваться под нарами рядом с парашей. Стали расспрашивать – кто, откуда, по какой статье. О себе мы рассказывали не просто так, а главному «урке», который сидел в лучшем месте у окна в окружении своих приближенных. Узнав, что я из Ленинграда, а ленинградцев, как я узнал позднее, очень уважали в лагерях, мне сразу нашли место на нарах».

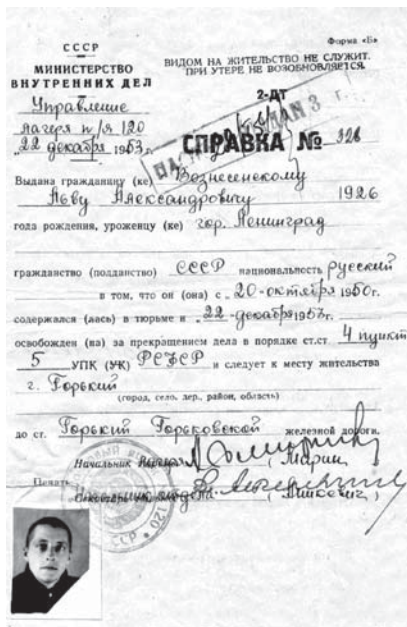
Не лучше обстояло и в пересыльных тюрьмах Челябинска и Кургана. Камеры были битком набиты заключенными, среди которых верховодили уголовники, не пропускавшие случая отыграться на жертвах и подвергнуть их унижению. Наконец Валерия Михеева и других ссыльных выгрузили на конечной станции Кокчетав Казахской ССР. «Нас, человек пять-шесть, в том числе и маму, передали местному конвою, который уже пешком повел нас в город. От станции до города было километра два-три голой степи. Была настоящая зима, кругом сугробы, да еще свирепствовал сильнейший ветер с метелью (буран). Шли ночью, гуськом. По бокам автоматчики с собаками, причем одеты они позимнему добротно, в полушубках, валенках, а заключенные – в летней

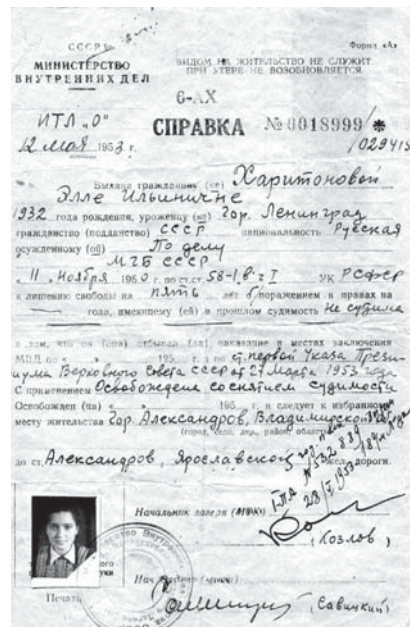
Заключенный I-1В-713 В. Ф. Визнер.
Песчаный лагерь. Казахстан.
Февраль 1953 г.

Справка об освобождении из лагеря Л. М. Сафонова

Справка об освобождении из лагеря Л. А. Вознесенского

Справка об освобождении из лагеря Э. И. Харитоновой

одежде. Мама была в демисезонном пальто и босоножках... Нам очень повезло. Поскольку свирепствовал буран и все дороги были заметены, а у нас не было теплых вещей, нас не отправили в район, как намечалось в разнарядке, а оставили в самом городе»⁴⁹.

ЛАГЕРЬ

Будни лагерной жизни сегодня уже хорошо известны: все – по команде, в сопровождении конвоиров. «Шаг вправо, шаг влево – стреляют без предупреждения». Поэтому остановимся на самых запомнившихся для «ленинградцев» эпизодах.

В Песчаный спецлагерь под Карагандой Лев Сафонов прибыл после этапа больным, с сильной ангиной. «Из-за высокой температуры меня поместили в лагерный стационар. Один из соседей всю ночь стонал и под утро умер. В один из дней меня ждал сюрприз. В палате меня навещал Володя Капустин... С Володей мы более четырех лет учились в одной школе № 91 на Петроградской стороне. В Песчаный лагерь он попал несколько раньше меня и успел немного освоиться. Володя подарил мне так называемую «пайку» черного хлеба и несколько поправил мое подавленное настроение. На всю жизнь запомнился мне этот Володин подарок и поступок»⁵⁰.

Помимо Л. Сафонова и В. Капустина в этом лагере оказались Ю. Басов и В. Визнер. Они считались «малосрочниками», выделяясь на общем фоне нестандартным сроком наказания – восемь лет. В лагере молодые «ленинградцы» работали на кирпичном заводе (в глиняном карьере с киркой в руках, в цехе обжига), участвовали в строительстве Мясокомбината в Караганде (бетонировали перекрытия зданий, рыли траншеи, прокладывали канализационные сети).

Приведем несколько строчек из лагерного письма Владимира Визнера своей девушке: «Любимая моя, как радостно получать эти редкие весточки от любимого человека, если бы ты знала! Тебе этого не понять, т.к. я знаю, что ты тоже с большим нетерпением ждешь моих писем, но все же слишком непохожи условия, в которых мы живем. Вот, например, ты сидишь в светлой теплой комнате, сытая, спокойная, и тебе не приходится писать письмо, скрываясь от кого-то. Я сижу ночью, в бараке, правда, сижу около печки, и довольно светло, но стоит сейчас войти надзирателю и застать меня за писанием письма, как мне «светит» в лучшем случае пять суток карцера, по 300 граммов хлеба в каждый день, по кружке воды, и все эти пять суток плясать от холода. В прошлом году в феврале месяце я сидел в карцере пять суток, вышел оттуда,

как говорят здесь, «тонкий, звонкий и прозрачный», опухли ноги от постоянного приплясывания на одном месте. Но все же игра стоила свеч, а кроме того, за это время я перевидел столько, что никакими карцерами меня не утратишь. Это страшно до тех пор, пока сам не испытаешь, а потом уже совсем не страшно. За это время я уже отсидел 15 суток в карцере и 15 суток в БУР'е (бараке усиленного режима)»⁵¹.

Десять суток провел в лагерном карцере и Лев Сафонов: «...бетонный блок примерно 4х4 метра, холодный (был конец зимы). В день 200 граммов мокрого кислого хлеба и все. На третий день так называемая «горячая пища» один раз. Горячая пища – это поварешка пустой, но теплой баланды. Однако, когда нас водили в туалет, мы находили там хлеб и другую пищу, которой нас поддерживали заключенные. Да, такое тюремное, лагерное братство было»⁵².

В начале лета 1952 года в лагере было сформировано несколько этапов, и «ленинградцев» разлучили. Л. Сафонов был отправлен в Долинский район под Карагандой на строительство плотины на небольшой речке. Кругом выжженная степь, бежать некуда. Как «малосрочник» он был расконвоирован и имел право выходить из зоны на работу самостоятельно. Здесь даже платили деньги – по 30–40 рублей в месяц.

Владимир Капустин был этапирован в лагеря Кузбасса, под Сталинском. Юноша работал по двенадцать часов. Однажды не выдержал – написал Швернику: за что сижу? Ответ был таков: «Осужден правильно»⁵³.

Элла Харитоновна находилась в заключении в лагерях Коми АССР. В арестантском наряде, в бушлате с номером и брюках, девушке пришлось сначала рубить лес. Элла Ильинична рассказывала, что ее поразили молодые красивые женщины – супруги иностранцев, которые оказались в лагере после закона о запрещении браков между советскими гражданами и иностранцами⁵⁴. Рядом с ней по-прежнему была ангел-хранитель О. Н. Иванова. Ее высшее образование позволило занять должность инженера, и она смогла освободить от тяжелой работы несколько «ленинградок». Однако лагерь есть лагерь: плохая кормежка, проверки на ветру и на морозе, давившие на психику частые «шмоны» (обыски личных вещей), подъем в пять часов утра.

«Ах, как хотелось спать! Истощенный организм пытался хоть за счет сна компенсировать тающие силы. Но правила неумолимы. Сквозь сон слышу ласковые слова: «Зайчик мой маленький, вставай! Вставай, девочка моя хорошая!» Это мама Оля будит, старается поднять меня на ноги, пока не обрушились на мою голову очередные неприятности – уже дважды за опоздание на работу я побывала в карцере», – вспоминала Элла Ильинична⁵⁵.

В лагерях Воркуты подсобным рабочим на шахте работал Эрнест Вознесенский. «В этом же лагере произошла и первая проверка моей сознательности лагерным начальством... Меня вызвали в оперчасть и предложили сотрудничать, то есть, проще говоря, стучать. Я отвечал примерно так: «Мой отец расстрелян вами, мать, брата и меня вы загнали в лагерь. Я думаю, что общей темы для разговоров у нас нет». И в том лагере со мной согласились...» Строптивость юноши неоднократно приводила к столкновениям с охранниками. «Один из «вохровцев» решил позабавиться и в нескольких метрах от проходящих работяг приспустил поводок собаки;

все быстро отбежали, а я продолжал идти, как и шел, поскольку никаких инструкций не нарушал. Охранник направил собаку прямо на меня, и она с видимым наслаждением мертвой хваткой вцепилась мне в левую ногу. Я откинулся назад, думая лишь о том, чтобы ноги не показалось бы собаке мало. Потом несколько минут двое «вохровцев» разжимали собаке зубы. В конце концов это им удалось, а я захромал в управление, где из резинового сапога вылил «лишнюю» кровь. Прокус был такой глубокий, что в санчасти я провалялся более полутора месяцев».

Стремление сохранить чувство внутреннего достоинства обращившись для него постоянными наказаниями со стороны лагерного начальства. «С течением времени во мне все больше зрел мой внутренний протест, я все больше ожесточался; все чаще возникала мысль о побеге... Постоянно терзала мысль о своем рабском подчинении окружающим условиям. Я становился все более несдержанным; от моего оптимизма мало что оставалось. Кроме того, меня просто корбило от угодливого отношения заключенных к своим тюремщикам». Однако бежать Э. Вознесенскому не удалось⁵⁶.

Лев Вознесенский отбывал срок в лагерях Казахстана, затем Кузбасса. Сначала в казахстанской степи в лютую стужу, утопая по колено в снегу, ему приходилось строить железную дорогу, укладывать на высокую насыпь шпалы и рельсы. В лагере бушевал голод: «Получаешь в хлеборезке свою «пайку», сожмешь чаще всего сырой кусок в руке и при самом горячем желании не съешь его сразу, растянуть на день, только успеешь пересечь лагерный плац и подняться по ступенькам своего барака – ладонь раскроешь, а на ней ничего нет. При такой степени оголодания каждая клеточка души и тела кричит об одном: «Есть! Есть. Есть...»⁵⁷. Спасли его от голодной смерти врачи-заключенные. Другая смертельная опасность шла от бандеровцев (украинских националистов), которые с целью подчинения себе заключенных убивали солдагерников. Лев оказался на волоске от гибели, и лишь заступничество авторитетного ээка спасло его от гибели.

Среди лагерных офицеров находились и приличные люди, которые

выручали молодого «ленинградца». «В то время, когда я исполнял свои счетоводческие по существу обязанности, мне довелось встретиться с еще одним проявлением человечности в местной офицерской среде. Стою около пекарни, подходит, оглянувшись по сторонам, незнакомый мне майор (я знал только, что он ведал хозяйственными вопросами), и у нас происходит такой краткий обмен репликами:

– Лева, я тебя очень прошу: ну не занимайся ты антиправительственной агитацией!

– Как хорошо, как точно вы сказали: антиправительственной – возможно, антисоветской – никогда! А за предупреждение большое спасибо».

26 февраля 1953 года Л. Вознесенского назначили на этап вместе с отъявленными уголовниками на Маточкин Шар на Новой Земле в Карском море, где строился полигон для испытаний водородных бомб. Лев Александрович вспоминал: «Почти наверняка в этой компании живым туда бы я и не доехал. А если бы выжил во время этапа, погиб бы по прибытии... Спас меня от такой перспективы, можно сказать, в последнюю минуту капитан Захаров, написавший заключение о действительном состоянии моего здоровья, при котором выдержать такое путешествие я бы не смог. До сих пор удивляюсь, как медицинская справка могла перевесить соображения государственной безопасности»⁵⁸.

Лев Александрович Вознесенский, осмысливая в зрелые годы свой лагерный опыт, писал: «В заключении много раз думалось, что, если бы оно не было связано с гибелью родных и страданиями тех из них, кто тоже оказался в лагерях, я даже не жалел бы о произошедшем со мной, – там открылись такие бездны в человеческих судьбах и в жизни страны, о которых на свободе и подозревать было невозможно. Тюрьмы и лагеря абсолютно обнаженно показали действительную изнанку нашего тогдашнего строя, а значит, во многом и его природу в целом, глубочайшую несправедливость по отношению к человеку – этому полезному, но совершенно бесправному винтику в бездушной государственной машине».

ССЫЛКА

По сравнению с лагерем жизнь ссыльных была полегче. Тем более что приговоренные к ссылке молодые люди, как правило, проживали вместе с родными и знакомыми. Однако в ссылке были свои трудности. Они сами должны были находить жилье. При этом владельцы частных домов брали за проживание невероятно большие деньги. Сложно было устроиться на работу. Два раза в месяц каждый ссыльнопоселенец должен был отмечаться в комендатуре. В случае неявки на регистрацию и отсутствия требуемой отметки в ней им грозило заключение в лагерь за побег. Строжайше запрещалось выезжать за пределы городской черты. Тем не менее приходилось приспосабливаться и к таким условиям и находить возможности для самореализации.

Таня и Наташа Синцовы посещали школу в селе Астраханка Акмолинской области. Мать работала в швейной мастерской в местном промкомбинате. Окончив десятый класс, Таня с разрешения начальника милиции поехала в Караганду, чтобы поступить в педагогический институт. В приемной комиссии ей сказали, что дочь врага народа не имеет права быть педагогом и учить советских детей. Вернувшись назад, она, к собственному удивлению, легко устроилась пионервожатой в местной школе и стала даже учительницей географии. На той территории не хватало не только учителей, но и просто образованных людей. Поэтому там сквозь пальцы посмотрели на то, что Татьяна Синцова из семьи осужденных.

Наталья Ивановна Таирова работала на стройке в степном ка-

захстанском поселке Чиили. Вместе с младшим сыном Сережей жили впроголодь, денег едва хватало на крошечный угол в проходной комнате. Затем по этапу прибыли дочь и старший сын. На поселении Галина пошла учиться в девятый класс, Юрий работал на стройке и преподавал математику. Галина Михайловна рассказывала: «В ссылке мы, дети, не чувствовали себя несчастными. Это заслуга мамы. Человек большой воли, она не давала нам падать духом»⁵⁹.

В Кокчетаве на спецпоселении оказались Анна Алексеевна Михеева с сыновьями Валерием и Георгием и Марина Сергеевна Фонтон, жена бывшего директора Музея обороны Ленинграда Л. Л. Ракова. А. А. Михеевой удалось устроиться работать патронажной медсестрой в противотуберкулезный диспансер. Без всякой бумажной волокиты братья Михеевы продолжили учебу в местной мужской школе, где, кстати, М. С. Фонтон, до этого преподававшая английский язык в Ленинградском университете, устроилась учительницей английского.

Георгий Филиппович пишет в воспоминаниях: «...учился хорошо. Все эти годы по кокчетавскому радио и в городской газете в период школьных экзаменов среди отличников упоминалось и мое имя. Был пионерским активистом, и (такой вот парадокс!) в 1954 году, еще не достигнув четырнадцати лет, одним из первых в классе был принят в комсомол... Никаких противостояний я не помню. То же могу сказать и о школе. В одном классе учились дети ссыльных и сыновья начальника Управления МГБ, секретаря обкома... Никто никогда

Валерий и Георгий Михеевы в ссылке. Казахстан. 1954 г.

этого не подчеркивал, мы просто были одноклассниками»⁶⁰.

Валерий Михеев после окончания десятого класса летом 1951 года устроился работать там же в качестве лаборанта, заодно по совместительству преподавал физику в казахской средней школе. Платили за работу лаборантом очень мало, и он пошел на Механический завод – единственное промышленное предприятие в городе. Валерий Филиппович вспоминал: «Поскольку у меня было десятиклассное образование, в то время редкое для рабочего, меня определили в инструментальный цех работать на вывезенном из Германии по репарациям универсальном станке, который мог с большой точностью выполнять фрезерные, токарные и сверлильные операции. Такой ра-

Наталья и Татьяна Синцовы с мамой Антониной Михайловной в ссылке. Казахстан. Март 1953 г.

Татьяна Синцова у могилы умершей в ссылке бабушки Александры Ивановны. Акмолинская область. Казахстан. 1951 г.

ботой я очень гордился. Началась рабочая жизнь – утром по гудку на завод, в обед всей бригадой идем в столовую, перед едой обязательно выпивали по стакану водки, я это воспринимал как должное. Особенно мне нравились ночные смены, когда народа в цехе мало, можно спокойно что-то делать и думать о своем....

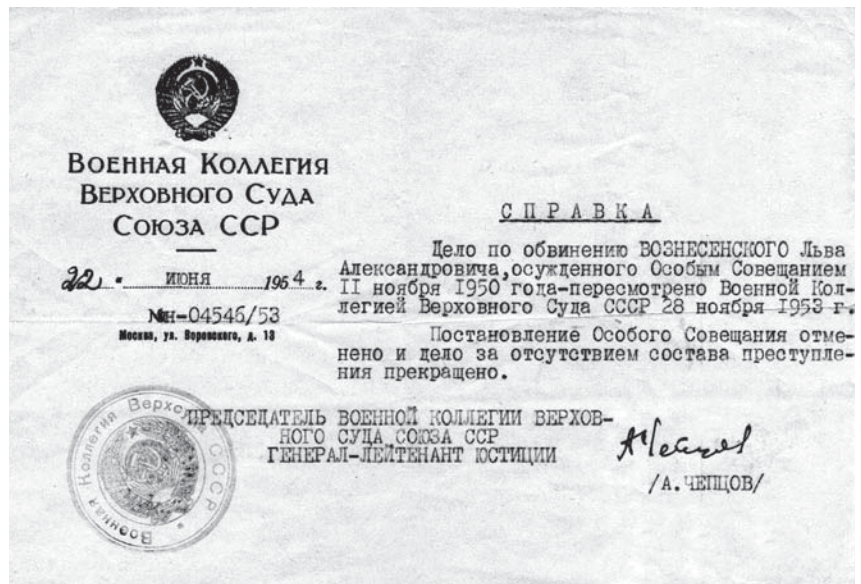
Так все продолжалось до марта 1953 года, когда умер Сталин. Поскольку мы были люди уже политически просвещенные, то встретили это известие с большой радостью, что, естественно, тщательно скрывали от окружающих. Помню, как в день похорон Сталина на заводе был траурный митинг, все стояли у своих станков, были слышны гудки паровозов, многие в растерянности плакали, а я, сделав мрачное лицо, про себя радовался, будучи уверенным, что наступят перемены. Ночью меня вызвали на работу в цех и велели отфрезеровать рамку траурного портрета вождя для завтрашней газеты, и я с удовольствием это делал, не испытывая никакого горя, скорее, наоборот»⁶¹.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Смерть Сталина породила у заключенных надежды на изменения их судьбы к лучшему. Уже весной 1953 года по указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» стали освобождать осужденных на пять лет. Среди вышедших из лагеря оказались и «ленинградцы», например Элла Харитоновна. Однако массовое освобождение членов семей репрессированных по «Ленинградскому делу» началось в конце 1953 года – в начале 1954-го.

О чувствах, с которыми возвращались из заключения молодые «ленинградцы», хорошо написал Э. А. Вознесенский: «Через ненависть к “грязи” жизни, подлости, предательству и трусости, злобе, жадности и хамству я вынес твердые убеждения о красоте жизни и любви к свободе, честности и мужеству, о настоящей доброте и скромности. К ним я пришел не умственным путем – эти убеждения были выстраданы в моральной и физической борьбе»⁶².

Перед вернувшимися молодыми людьми вставали другие, прозаические вопросы – о жилье,

Справка о реабилитации Л. А. Вознесенского. 1954 г.

учебе и работе. Так, Э. Харитонову предупредили – в Ленинград и Москву ехать запрещено. Но Элла все-таки рискнула вернуться в родной город, к бабушке. Даже удалось пропастись, а вот в ЛЭТИ, где она училась до ареста, ее не взяли. Тогда девушка решилась переговорить с директором Планово-экономического института П. Р. Сыромятниковым. Человек большой души, он не побоялся помочь и разрешил принять у ней документы. Экзамены Элла сдала на пятерки.

Татьяна Синцова, вернувшись из Казахстана, поступила в Ленинградский библиотечный институт им. Н. К. Крупской. При поступлении в вуз ей пришлось пропустить в биографической анкете время пребывания в колонии. Несколько раз Т. Синцову вызывали в первый отдел института и обязывали подписать бумагу о неразглашении сведений о «Ленинградском деле». Даже в 1956 году она рассказывала жениху об этом под большим секретом⁶³.

Лев Сафонов, когда вернулся из лагеря в Ленинград, пришел в первые дни в прокуратуру с вопросом: «Что мне делать, у меня нет жилья, нет работы». Женщина-прокурор предложила ему отправиться на целину. На что он ответил: «Я только что приехал оттуда – с Казахстана!»

В 1954 году многие семьи «ленинградцев» воссоединились, но не все. Справедливы горькие слова Юрия Михайловича Таирова, сказанные спустя 40 лет: «То, что

наша семья уцелела, выправилась, обрела как бы второе дыхание – это же счастливое исключение из громадных общих бед народа. Ничем не компенсируешь гибель семьи, потерю друзей и близких, расстроенное здоровье и, что еще страшней, непоправимый моральный надлом многих из тех, кто остался жив. Кто-то так и не сумел встать на ноги после пережитого»⁶⁴.

Тем не менее по возвращении из мест заключения, детдомов, колоний большая часть младшего поколения, репрессированного по «Ленинградскому делу», получила высшее образование, заняла достойное место в обществе, добилась уважения и признания.

Элла Ильинична, окончив Финансово-экономический институт (Плановый институт вошел в состав ЛФЭИ), трудилась в Ленинградском научно-исследовательском радиотехническом институте. Синцова Татьяна Николаевна преподавала на кафедре Библиотечного института (с 1964 года – Институт культуры), позднее заведовала библиотекой Института этнографии АН СССР. Ее сестра Наталья Николаевна окончила медицинское училище, Первый медицинский институт и с большим увлечением лечила горожан в районной стоматологической поликлинике.

Людмила Бубнова вышла замуж за друга детства Всеволода Вербицкого, который в 1954 году вернулся из лагеря, где строил Камскую ГЭС. Всеволод Александрович

Младшее поколение репрессированных по «Ленинградскому делу» в Музее политической истории России. Санкт-Петербург. 2010 г.
Первый ряд (слева направо): Э. И. Харитонова, Г. М. Таирова, Л. Г. Бумагина, К. Н. Соловьева, Г. П. Талюш.
Второй ряд (слева направо): И. П. Левин, А. Я. Капустин, Н. А. Бубнова, Ю. М. Таиров, С. М. Таиров, Г. Ф. Михеев, Л. М. Сафонов

(1933–1998) стал кандидатом наук, крупным ученым, изобретателем, возглавлял лабораторию в ЛЭТИ. Людмила Алексеевна Вербицкая известна сегодня многим. Вся трудовая жизнь доктора филологических наук, профессора связана с Государственным университетом. С 1994 года она – ректор, с 2008 года – президент СПбГУ.

Другую счастливую семейную пару составили Юрий Михайлович Таиров и Светлана Эмильевна Бояр. Доктор физико-математических наук, профессор Юрий Михайлович заведовал кафедрой ЛЭТИ, младший брат Сергей Михайло-

вич, кандидат технических наук, возглавлял отдел микроэлектроники в НПО «Позитрон». Таирова (Черняева) Галина Михайловна работала старшим преподавателем Ленинградского сельскохозяйственного института, немало сил вложила в разработку мероприятий по охране Ладоги, Невы и Невской губы. Жизнь Светланы Эмильевны неотрывна от музыки. Она была музыкальным редактором на Ленинградском телевидении и радио. Из небольшого издательства Союза композиторов она создала и возглавила крупнейшее в России музыкальное издательство.

А. Я. Капустин, Г. Ф. Михеев, С. М. Таиров, И. П. Левин. Санкт-Петербург. 2010 г.

Михеев Валерий Филиппович (1933–2010) окончил Первый медицинский институт. Кандидат медицинских наук, он занимался научной деятельностью в Институте физиологии им. академика Павлова АН СССР. Михеев Георгий Филиппович имеет два диплома – института авиационного приборостроения и Инженерно-экономического института. Он работал инженером и на руководящих постах в оборонной промышленности.

Сафонов Лев Михайлович прошел трудовой путь от конструктора до генерального директора Ленинградского проектно-конструкторского бюро швейной промышленности, защитил диссертацию кандидата технических наук. Его брат, капитан 1-го ранга Владимир Михайлович (1925–1988) работал преподавателем в Высшем военноморском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского, позднее – хранителем фондов в Центральном музее Военно-морского флота.

Многого в своей жизни добились братья Вознесенские. Эрнест Александрович (1931–1997) стал доктором экономических наук, профессором, возглавлял кафедру финансов Ленинградского финансово-экономического института, который носил имя его дяди Н. А. Вознесенского. Лев Александрович в аспирантуре МГУ защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Довелось ему поработать в журнале «Коммунист» и аппарате ЦК КПСС. С 1974 года Л. А. Вознесенский был первым и на протяжении ряда лет единственным политическим обозревателем Центрального телевидения СССР по вопросам внутренней жизни страны, вел в прямом эфире телевизионные передачи «Проблемы – поиски – решения» с участием высокопоставленных чиновников, ученых, которые отвечали на задаваемые по телефону вопросы зрителей. Успешно сложилась судьба и других детей А. А. Вознесенского. Доктор геологических наук Валерий Александрович (1935–2000) был профессором Горного института, член-корреспондентом Академии наук СССР. Кандидат филологических наук Ирина Александровна преподавала в ЛФЭИ им. Н. А. Вознесенского.

Стоит сказать и о других представителях семьи Вознесенских.

Визнер Владимир Федорович (1929–2010) окончил Ленинградский военно-механический институт. Кандидат технических наук, он работал в конструкторском бюро завода «Арсенал», стал заместителем главного конструктора. Его брат Евгений Федорович два десятилетия служил главным энергетиком в Эрмитаже. Сыновья В. А. Вознесенской, кандидат технических наук Михаил Евгеньевич и кандидат математических наук, профессор Александр Евгеньевич преподавали в вузах нашего города.

Владимир Яковлевич и Андрей Яковлевич Капустин пошли по стопам отца в Политехнический институт. Старший брат трудился в авиационной промышленности, в НПО имени Климова, младший – в Министерстве атомной промышленности. Пример отца повлиял и на выбор Левина Игоря Пантелеймоновича, который поступил в Горный институт. В Ленинградском тресте инженерно-строительных изысканий он стал главным инженером.

Талюш Галина Петровна работала инженером-конструктором, ведущим инженером на ряде ленинградских заводов. Ее старший брат Юрий Петрович был главным инженером Центрального ремонтного предприятия «Ленэнерго». Андрей Петрович Попков увлекся геологией. Свою жизнь он посвятил изучению Антарктиды, куда не раз как старший геофизик геологического объединения «Севморгеология» отправлялся в экспедицию.

* * *

Автору посчастливилось по роду деятельности познакомиться со многими героями статьи. Интеллигентные, скромные, доброжелательные люди – они вызывают глубокое уважение. Их биография дает пример того, как вопреки ударам судьбы и невзгодам можно и должно оставаться человеком. Что позволило им мужественно выдержать свалившиеся на них испытания? Конечно, это было бы невозможно, если в бесчеловечной системе они не встречали людей, сохранивших человечность. Однако в немалой степени это и заслуга их родителей, которые заложили в своих детях основы стойкого характера и глубокой культуры.

- 1 Из личных бесед автора с Т. Н. Синцовой.
- 2 Демидов В. Ленинградское дело // Книжное обозрение. № 51. 1988.
- 3 Государственный музей политической истории России (ГМПИР). Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания В. Ф. Михеева.
- 4 Ленинградское дело / Сост.: В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 314.
- 5 Дети ГУЛАГа. 1918–1956. Документы. М., 2002. С. 234–238.
- 6 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания Г. Ф. Михеева.
- 7 ГМПИР. Ф. VI. Воспоминания Г. П. Талюш.
- 8 Большая жизнь. К 90-летию М. А. Таирова. СПб., 1996. С. 25.
- 9 Из личных бесед автора с А. Я. Капустиным.
- 10 Вербицкая Л. А. Мой Петербург. СПб., 2006. С. 259.
- 11 Из личных бесед автора с Н. Н. Синцовой.
- 12 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания Г. Ф. Михеева.
- 13 Ленинградское дело. С. 324.
- 14 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания Г. Ф. Михеева.
- 15 Сидоровский Л. Честное имя. Жертвы «ленинградского дела» – глазами родных, близких, строками документов // Смена. 24 июля 1988 г.
- 16 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания Г. Ф. Михеева.
- 17 Ленинградское дело. С. 325.
- 18 Из личных бесед автора с И. П. Левиным.
- 19 Из личных бесед автора с Н. Н. Синцовой.
- 20 ГМПИР. Ф. VI. Воспоминания Г. П. Талюш.
- 21 Из личных бесед автора с С. М. Таировым.
- 22 ГМПИР. Ф. VI. Воспоминания Г. П. Талюш.
- 23 Из личных бесед автора с Т. Н. Синцовой.
- 24 Вербицкая Л. А. Мой Петербург. С. 255–256.
- 25 Из личных бесед автора с Т. Н. Синцовой.
- 26 Вербицкая Л. А. Мой Петербург. С. 260.
- 27 Ссылные мальчики // Диалог. 1989. С. 22.
- 28 Ленинградское дело. С. 148.
- 29 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова
- 30 Михельсон В. Мама Оля // Ленинградский рабочий. 11 августа 1989 г.
- 31 Ленинградское дело. С. 289.
- 32 Вознесенский Э. А. Вхождение в жизнь. Л., 1990. С. 35.
- 33 Обращение заключенного С. И. Аввакумова к Н. С. Хрущеву с просьбой о пересмотре дела. 1954 г. // Судьбы людей. «Ленинградское дело». Сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009. С. 81.
- 34 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания В. Ф. Михеева.
- 35 Вознесенский Э. А. Вхождение в жизнь. С. 38.
- 36 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 37 Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004. С. 308.
- 38 Ленинградское дело. С. 314.
- 39 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 40 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания В. Ф. Михеева.
- 41 Большая жизнь. К 90-летию М. А. Таирова. С. 25.
- 42 Ссылные мальчики // Диалог. 1989. С. 22.
- 43 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 44 Вознесенский Л. А. Истины ради. С. 316.
- 45 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 46 Вознесенский Э. А. Вхождение в жизнь. С. 40.
- 47 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 48 Михельсон В. Мама Оля // Ленинградский рабочий. 11 августа 1989 г.
- 49 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания В. Ф. Михеева.
- 50 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 51 Письмо Владимира Федоровича Визнера из лагеря. 1952 г. // Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 78.
- 52 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2578. Воспоминания Л. М. Сафонова.
- 53 Ленинградское дело. С. 325.
- 54 Из личных бесед автора с Э. И. Харитоновой.
- 55 Михельсон В. Мама Оля // Ленинградский рабочий. 11 августа 1989 г.
- 56 Вознесенский Э. А. Вхождение в жизнь. С. 56, 58.
- 57 Вознесенский Л. А. Истины ради. С. 28.
- 58 Там же. С. 341–342.
- 59 Большая жизнь. К 90-летию М. А. Таирова. С. 25.
- 60 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания Г. Ф. Михеева.
- 61 ГМПИР. Ф. VI. Д. 2584. Воспоминания В. Ф. Михеева.
- 62 Вознесенский Э. А. Вхождение в жизнь. С. 77.
- 63 Из личных бесед автора с Т. Н. Синцовой.
- 64 Ленинградское дело. С. 370.

